

УДК 314.15 + 316.4 + 316.77
DOI: 10.17223/1998863X/54/15

И.Б. Бритвина, Е.Л. Могильчак, Г.А. Савчук

ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ МИГРАНТОВ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

На основе применения кластерного анализа выделены три типологические группы мигрантов из Центральной Азии. Первый кластер характеризуется сочетанием инструментальной готовности жить в России и отсутствием готовности переехать навсегда. Для второго кластера свойственна высокая развитость желания переехать в Россию и низкая – инструментальной готовности к переезду. Представители третьего кластера демонстрируют высокую развитость обоих видов готовности.

Ключевые слова: иноэтничные мигранты, Центральная Азия, опрос, кластерный анализ, типологизация.

Постановка проблемы

Интенсивность миграционных потоков на территорию Европы и России обуславливает актуальность выявления типов мигрантов, так как их принадлежность к разным группам влияет на эффективность интеграции в принимающий социум. Основную часть внешнего миграционного потока из стран СНГ на территорию России составляют выходцы из Центральной Азии и в последние годы – из Украины. Если этнические украинцы воспринимаются россиянами как культурно близкие и социальные взаимодействия с ними, несмотря на политические события последних лет, не проблематизируются, то выходцы из стран Центральной Азии воспринимаются как культурно чужие [1].

подавляющее большинство населения России (78%) считает, что государство должно ограничивать приток иностранных мигрантов в страну [2]. Результаты российских исследований говорят о широком распространении негативного отношения к определенным, прежде всего к непривычным для данной принимающей среды этническим группам [3]. Исследователи отмечают, что россияне в целом принимают украинцев, молдаван, белорусов как потенциальных соседей и более враждебны по отношению к выходцам с Кавказа и Центральной Азии. Эта этническая иерархия разделяется всеми крупными этническими группами, населяющими Россию [4, 5]. Общероссийские опросы показывают, что жители нашей страны высказываются в пользу принятия «качественных» мигрантов (молодых, русскоязычных и образованных), которые смогли бы эффективно интегрироваться в российский социум [6]. Эффективность интеграции зависит от того, к какой группе принадлежат мигранты в зависимости от их планов переехать в Россию навсегда и получить российское гражданство или устроиться на временную работу, а потом вернуться на родину. В итоге у разных групп мигрантов формируется разное отношение к жизни в России, что во многом определяет их поведенческие

¹ Работа выполнена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований и поддержана грантом № 19-011-00467.

практики на территории нашей страны. Исследовательский вопрос, который ставят перед собой авторы, – типологизировать мигрантов из стран Центральной Азии на основе их отношения к жизни в России.

На территории Свердловской области и в целом Урала исследования в отношении типологизации мигрантов из стран Центральной Азии не проводились. Можно отметить более ранние опросы переселенцев И.Б. Бритвиной на территории Курганской области (Уральский федеральный округ), которая изучала гендерную детерминацию эффективности адаптации в России русскоязычных вынужденных мигрантов из стран Центральной Азии [7] и пришла к выводу, что женщины адаптируются быстрее и эффективнее, чем мужчины, а молодые переселенцы – успешнее пожилых мигрантов. Кроме того, уральские социологи занимались изучением адаптации на Урале детей-мигрантов из стран Центральной Азии, в первую очередь, анализируя проблемы их обучения в дошкольных и школьных учреждениях Свердловской области, сравнивая опыт их интеграции в российское социальное пространство с опытом развитых стран, анализируя характер сообщений СМИ о мигрантах (М.Н. Вандышев, Н.В. Веселкова, Г.Е. Зборовский, Л.Е. Петрова, Е.В. Прямикова, Е.А. Шуклина, М.А. Фадеичева).

Адаптация мигрантов из стран Центральной Азии ранее исследовалась авторами статьи в части культурной адаптации и отражена в ряде публикаций. Полученные результаты говорят о том, что проблемы интеграции мигрантов во многом связаны с неполной готовностью принять повседневные нормы поведения принимающей страны. Авторы статьи, изучая факторы, которые влияют на адаптацию иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии, анализируя их в культурном разрезе, пришли к выводу, что ни пол, ни возраст переселенцев не играют существенной роли в интеграционных процессах. Статистически значимое влияние имеет, прежде всего, уровень образования мигрантов.

Методика исследования

Авторами статьи в 2017 г. был опрошен методом стандартизированного интервью 231 иноэтничный мигрант из стран Центральной Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан), не имеющий российского гражданства и проживающий в Екатеринбурге. Тип выборки – целевая. В выборочную совокупность были отобраны выходцы из пяти указанных выше стран в равных пропорциях.

В 2018 г. мы взяли глубинные интервью у 16 иноэтничных мигрантов из стран этого региона. Методический инструментарий для опросов – авторский. Тип выборки – целевая. Интервью проводились на русском языке, который является неродным для респондентов. Данное условие учитывалось при разработке инструментария и отборе респондентов.

В ходе стандартизированного интервью отношение мигрантов к жизни в России измерялось на нескольких уровнях: оценка возможности остаться жить в России, оценка готовности к такому шагу (степень владения русским языком, знание российских законов, готовность менять свое поведение), оценка повседневных реалий (личных качеств жителей Екатеринбурга, оценка их культуры поведения, привычность жизни в Екатеринбурге), оценка места русской культуры.

Путеводитель по интервью был нацелен на то, чтобы прояснить данные вопросы подробнее. Отбор респондентов для интервью строился по самостоятельной выборке, не связанной с выборкой исследования, проведенного в 2017 г. Вместе с тем полученные с помощью глубинного интервью данные мы использовали как иллюстративный материал к результатам стандартизированного интервью: они демонстрируют развернутые описания отношения мигрантов к жизни в России.

Ранее нами было выявлено, что социально-демографические характеристики мигрантов из стран Центральной Азии (пол и возраст), образование и длительность проживания на территории России не определяют их готовность менять свои поведенческие привычки. Статистическое влияние на это имеет лишь желание мигрантов получить российское гражданство [8]. В связи с этим мы выдвинули гипотезу, что в классификационные переменные нужно включать признаки, отражающие характер отношения к жизни в России, а социально-демографические и поведенческие характеристики респондентов рассматривать как уточняющую информацию о кластерах.

На основе данных, собранных с помощью стандартизированного интервью, нами был проведен кластерный анализ с использованием 10 классификационных переменных. В их число входят признаки, отражающие характер отношения мигрантов к жизни в России:

1) культурно-оценочные характеристики (оценка личных качеств жителей Екатеринбурга, оценка их культуры поведения, степень согласия с тем, что российская культура должна занимать ведущее место в России, готовность менять культурные привычки, чтобы безопасно жить в Екатеринбурге, число одобряемых требований к поведению мигрантов в России);

2) миграционные установки (желание получить российское гражданство, желание переехать в Россию навсегда);

3) степень освоения жизни в России (степень знакомства с российскими законами, степень владения русским языком, оценка привычности жизни в Екатеринбурге).

Тип шкалы, используемый при измерении классификационных переменных, – порядковый. Процедура кластерного анализа осуществлялась методом *k*-средних при помощи компьютерной программы обработки данных SPSS. Используемая количественная мера при формировании кластеров – квадрат евклидова расстояния. Вследствие разного количества значений классификационных переменных они были подвергнуты стандартизации при помощи *Z*-преобразования.

Результаты

В результате применения описанной процедуры было выделено три кластера мигрантов: освоившиеся на время, не освоившиеся, освоившиеся навсегда. В табл. 1 представлены характеристики кластеров, основанные на классификационных переменных, а в табл. 2 – на признаках, которые не входили в число классификационных и выполняли функции получения уточняющей информации о кластерах. Если классификационные переменные включают знания, а также культурные диспозиции мигрантов, то «неклассификационные» признаки отражают их социально-демографические и поведенческие свойства.

Таблица 1. Процентные показатели кластеров мигрантов, сформированные на основе классификационных переменных, % от числа опрошенных в кластерах

Показатель	1-й кластер «освоившиеся на время»	2-й кластер «не освоившиеся»	3-й кластер «освоившиеся навсегда»
% входящих в кластер от объема выборочной совокупности	24,5	40,1	35,4
Хочет получить российское гражданство	8,9	70,7	90,1
Не хочет получать российское гражданство	46,4	1,1	1,2
Считает, что многие жители города ведут себя культурно	21,4	18,5	43,2
Считает, что жители города – хорошие люди	26,8	30,4	60,5
Полностью привык к жизни в Екатеринбурге	30,4	16,3	74,1
Знает российские законы	62,5	19,6	92,6
Знал российские законы еще до переезда	12,5	4,3	43,2
Считает, что русская культура должна занимать ведущее место в России	10,7	16,3	74,1
Плохо знает российские законы	21,4	59,8	2,5
Считает, что среди национальных культур России никакая культура не должна выделяться особо	46,4	30,4	23,5
Хочет переехать навсегда в Россию	1,8	53,3	71,6
Не хочет переезжать навсегда в Россию	51,8	4,3	0,0
Готов кардинально изменить свою культуру, чтобы обеспечить комфортное и безопасное существование среди екатеринбуржцев	1,8	1,1	30,9
Могут не только общаться на русском языке, но и читать, писать	64,3	18,5	65,4
Число одобряемых требований к поведению мигрантов в России	2,3	2,6	3,3

Таблица 2. Социально-демографические и поведенческие характеристики кластеров

Характеристика	1-й кластер «освоившиеся на время»	2-й кластер «не освоившиеся»	3-й кластер «освоившиеся навсегда»
Процент имеющих высшее и незаконченное высшее образование в кластерах	32,1	14,3	42,0
Процент исповедующих ислам	73,2	79,3	60,5
Процент приехавших в Екатеринбург с целью получения работы	52,0	68,1	50,0
Доля 16–22-летних	39,3	26,4	25,9
Число используемых источников информации о России, Екатеринбурге	2,5	2,1	3,9
Число социальных групп, входящих в круг общения мигрантов	2,3	1,9	4,2
Число лет проживания в России	3,6	3,2	3,8
Число соблюдаемых национальных традиций и культурных практик	1,8	2,5	2,8

Выделенные кластеры отличаются друг от друга прежде всего по классификационным переменным. Опишем особенности респондентов, входящих в каждую из трех классификационных групп: 1-й кластер («освоившиеся на время»), 2-й кластер («не освоившиеся»), 3-й кластер («освоившиеся навсегда»).

Кластер «освоившиеся на время». Как видно из табл. 1, в данном кластере меньше всего желающих получить российское гражданство и остаться в России навсегда. Число одобряемых требований к поведению мигрантов

является в данной группе самым низким, а считающих, что никакая культура не должна выделяться особо, значительно больше, чем в других кластерах. Неприятие ведущей роли русской культуры и целого ряда поведенческих требований к мигрантам говорит, в том числе о культурной обусловленности нежелания становиться гражданином России. Однако это не связано с осознанием собственной национальной культуры, исполнением национальных традиций, прежде всего, религиозных. Так, в данной группе в два раза реже, чем в других кластерах, регулярно молятся, в 1,5 раза реже отмечают религиозные праздники.

Нежелание переезжать в Россию на постоянное место жительства сопровождается в данной группе достаточно хорошим знанием русского языка и российских законов, довольно высоким уровнем образования. Развитые когнитивные ресурсы не создают препятствий для освоения российской жизни и закрепления на новом месте жительства.

По результатам анализа глубинных интервью мы также выделили группу тех, кто считает, что хорошо знает русский язык и российские законы, но не желает переезжать в Россию навсегда. Эти респонденты рассматривают свое пребывание в России как временное, скучают по Родине, называют себя патриотами своей страны и именно поэтому планируют вернуться. В основном в эту группу попали работающие мужчины, семья которых осталась на родине. Среди женщин есть неработающие, живущие в России вместе с мужем; для них характерна позиция соглашаться с решением мужа.

«Да, 5 – 6 лет [живу в России], не помню точно... Да, деньги всегда нужны... Я здесь работаю, а дом там... Вся остальная семья, земля родная, традиции... Не знаю, наверное, буду также ездить работать, только уже официально» (мужчина, 31 год, Киргизия).

«Люди хорошие, нормальные, доброжелательные [первое впечатление о России]. Мы живем, стараемся диаспорами жить, чтобы ходить друг другу в гости... Языкового барьера у меня не было, потому что у меня было образование в школе на русском языке... Так мы в магазин одни никогда не выходим, находимся с мужем или братом мужа, или с кем-то из мужской половины» (женщина, 42 года, Таджикистан).

«Ну, Россия, конечно, более состоятельная страна, мы можем здесь больше позволить себе... И, конечно, полностью мигрировать семьи могут... [Но] остаются на родине у нас родители, кто-то должен с ними находиться, каждый год мы обязательно ездим к ним в гости... Или если уже муж решил поехать в Таджикистан жить постоянно, то тоже [поеду]» (женщина, 42 года, Таджикистан).

Кластер «не освоившиеся». Представители этого кластера часто указывают на то, что приехали в Екатеринбург ради получения работы, они хотели бы остаться в России и получить российское гражданство.

Представители данного кластера плохо знают российские законы и недостаточно хорошо – русский язык. Доля имеющих высшее и незаконченное высшее образование здесь наименьшая, а срок проживания в Екатеринбурге самый маленький. Представители этой группы имеют менее широкие контакты с местным населением, используют меньшее число источников информации о жизни в городе, здесь меньше всего привыкших к жизни в Екатеринбу-

бурге. С учетом самого маленького срока проживания можно говорить о возможности освоения жизни в России в будущем.

Можно говорить о том, что наличие цели остаться в России пока не сопровождается наличием в данной группе информационных и образовательных ресурсов, необходимых для ее достижения. В данной типологической категории существует противоречие между поставленной целью и недостаточными средствами ее достижения. Это свидетельствует о проблемности ситуации, в которой находится указанная типологическая группа.

Среди респондентов, которые дали глубинные интервью, также можно выделить группу тех, кто считает, что плохо знает русский язык и российские законы, но желает переехать жить в Россию. Они могли приехать к уже работающим здесь знакомым или родственникам, в то время как в своей стране нет возможности найти работу. Живут они вместе с соотечественниками, с ними же в основном и общаются.

«Я думаю, что здесь не сложно. Хорошо, да. Хорошо понимают, как свои будут. Ну, чуть-чуть вот так [изображает неудобство], а потом... [улыбается и расправляет плечи] (женщина, 53 года, Киргизия).

«Нет [хорошего владения русским языком]... ну, учила так в школе, с первого класса... Я первый раз ни то, ни это. Так разговаривала: „Вы понимаете“? ...Нет, не училась, просто работала и говорила» (женщина, 35 лет, Киргизия).

«Нет, нет, нет [не ношу здесь хиджаб]... [смеется]... Есть у меня платье мусульманское и штаны, халатик там. Это я дома ношу [на момент интервью была одета в спортивные штаны, футболку, голова не покрыта]. Ну, сейчас я на работе, уже российской. А если ты в Киргизии, то всегда платок, чтобы не видели волос... Сейчас нет [муж не против такой одежды в России], сейчас уже городская я... а вот если в Киргизии, то [муж] против» (женщина, 35 лет, Киргизия).

Кластер «освоившиеся навсегда». Среди представителей этого кластера – максимальное число желающих получить гражданство и переехать навсегда в Россию. Указанные представители часто утверждают, что полностью привыкли к жизни в Екатеринбурге. В этой группе больше всего знавших российские законы еще до переезда в город, самое большое число используемых источников информации о Екатеринбурге, готовность выполнять наибольшее число требований к поведению мигрантов в России, самый высокий уровень образования.

Представители данной классификационной группы чаще других считают, что жители Екатеринбурга – хорошие люди, они ведут себя цивилизованно, а русская культура должна занимать ведущее место в России. Нужно отметить, что мигранты из данной категории готовы кардинально изменить свою культуру, чтобы обеспечить безопасное существование в новом социуме.

Наиболее высокие показатели готовности принять российскую культуру имеют здесь поведенческое и культурное основание. Так, в данной группе 73% опрошенных не испытывают неприязни ни к каким национальностям, здесь меньше исповедующих ислам, зафиксированы самые широкие из всех типологических групп контакты с жителями Екатеринбурга. Нужно отметить, что максимальное число соблюдаемых национальных традиций и интерес к

своей национальной истории не препятствуют вхождению в новую культурную среду, а создают возможности для сохранения родной культуры.

Информанты, которые участвовали в качественном интервью и характеризуются тем, что хотят окончательно переехать в Россию, а также и, по их мнению, хорошо знают русский язык и российские законы, могут быть студентами. Они сознательно выбрали Россию для получения образования. Другая категория – те, кто переехал сюда еще ребенком, с семьей и живет более 10–15 лет. Еще одна категория – те, кто приехал к родственникам, ранее переехавшим в Россию. Если не считать тех, кто получает образование, это, как правило, мигранты, живущие в России вместе с семьей.

«Стабильность [характеризует Россию]. Средний прожиточный минимум. Здесь есть будущее для нас, для наших детей, что мы не можем сказать пока, к сожалению, о нашей Родине. Наша коррупция – проблема на первом месте. С этой проблемой в России как-то пытаются бороться, а у нас – нет...» (женщина, 26 лет, Таджикистан).

«С детства я представляла себе, что я россиянин. Я видела себя здесь. Я настраивалась всю жизнь на то, чтобы переехать сюда. Я была осведомлена о России больше, чем о Казахстане порой... через телевидение я узнавала о том, какая жизнь здесь... у нас все связано с Россией» (женщина, 19 лет, Казахстан).

«Тут [в России], наверное, жизнь легче. Сейчас лучше стало в Узбекистане, но раньше было ужасно, в зимний период отключали газ, свет и воду, зарабатывали копейки» (женщина, 25 лет, Узбекистан).

«Я всегда общаюсь с русскими, я ими окружен. Меня даже не воспринимают как приезжего, Россия – многонациональная страна. Тут казахом не удивишь... Я думаю, что останусь тут, в России. Здесь есть работа и много вариантов отдыха. Мой родной город меня не привлекает перспективами» (мужчина, 23 года, Казахстан).

Важно отметить, что представители этой группы мигрантов не идеализируют Россию, наряду с положительными сторонами жизни здесь они видят и проблемы. В интервью встречаются критические высказывания, в которых, например, отмечается склонность россиян к употреблению алкоголя, недостаточное внимание к старшему поколению, отсутствие трудолюбия. Вместе с тем респонденты-женщины отмечают те черты россиян, которых не видят у соотечественников из стран Центральной Азии: независимость, демократичность. И они для них значимы.

«Я насчет мужчин не знаю, но насчет женщин могу сказать, что они не обсуждают, не вмешиваются в чужую жизнь, не суют нос в чужое дело, свободны» (женщина, 25 лет, Узбекистан).

«Я женщину в России представляю сильнее, чем мужчину... Они более ответственные... Русская женщина – очень сильная женщина. А мужчина?.. У нас мужчины более ответственно относятся к семье, чем русские мужчины» (женщина, 26 лет, Таджикистан).

Характеризуя Россию, в сравнении со своей родиной, респонденты подчеркивали развитие экономики, прогресс и т.п. Именно поэтому им самим хочется остаться жить в России и чтобы здесь остались жить их дети. Также они обращали внимание на то, что Россия многонациональная страна, и это важное условия для их отношения к жизни в России.

Возвращаясь к данным количественного исследования нужно отдельно отметить различия между кластерами по сочетанию значений следующих признаков: желание навсегда переехать в Россию, с одной стороны, и знание русского языка, российских законов – с другой.

Кластер «освоившиеся на время» характеризуется сочетанием инструментальной готовности жить в России (знание языка, законов) и неразвитости готовности переехать в Россию навсегда. Для кластера «не освоившиеся», наоборот, свойственны высокая развитость желания переехать в Россию и низкая – инструментальной готовности к переезду. Мигранты, входящие в кластер «освоившиеся навсегда», демонстрируют сильную развитость обоих видов готовности.

Выявленная типология дает возможность понять, что представители кластера «освоившиеся навсегда» наиболее позитивно относятся к жизни в России. Это проявляется не только в оценочных характеристиках отношения к местному населению, российской культуре, но и в поведенческих характеристиках – освоении ресурсов, необходимых для жизни в Екатеринбурге, желании жить в России постоянно, получить российское гражданство.

Как видно из табл. 2, кластер «освоившиеся навсегда» содержит самое большое количество переселенцев, имеющих высшее и незаконченное высшее образование. Мы пришли к выводу, что с повышением уровня образования мигрантов растет уровень их интегрированности в городскую жизнь. Это проявляется как в большей развитости инструментов адаптации (знание русского языка, российских законов, возможности контактов с местным населением), так и в ценностных предпочтениях (отсутствие национальных предубеждений, религиозных привычек). Однако нужно отметить, что доля мигрантов, имеющих высокий уровень образования и одновременно желающих остаться в России навсегда, в нашем исследовании составила всего лишь 16% от числа опрошенных респондентов.

Для того чтобы выяснить, какие барьеры стоят на пути высокообразованных мигрантов к принятию решения о постоянном жительстве в России, мы сравнили две подгруппы мигрантов с высшим и неоконченным высшим образованием: 1) выразившие желание переехать навсегда в Россию; 2) не выразившие такого желания. Если вторая группа отличалась от первой по развитости конкретного свойства, то это свойство рассматривалось как препятствие для принятия решения остаться в России. Было выяснено, что основные препятствия для принятия высокообразованными мигрантами решения остаться навсегда в России, – коммуникативные и национально-культурные барьеры.

Коммуникативные барьеры – это препятствия для получения информации, а также для комфортного общения в условиях новой социальной среды. Результаты нашего исследования показали, что не выразившие желания остаться в России почти в 1,5 раза реже имеют друзей или родственников среди постоянных жителей Екатеринбурга (53,6 и 78,4% соответственно), они также реже получают информацию о русских, о России от приезжих своей национальности (21,4 и 40,5% соответственно). Можно говорить о дефиците общения в данной подгруппе высокообразованных мигрантов.

Национально-культурные барьеры – ценности и установки, которые препятствуют процессу интеграции мигрантов в российское общество. По нашим

данным, к этим препятствиям относится специфическое понимание места русской культуры среди других национальных культур и отношение к националистическим организациям. Так, для группы, не выразившей явного желания остаться в России, в большей степени, чем для группы желающих жить в России, характерно неприятие идеи ведущего места русской культуры. Более распространенным среди них является мнение, что среди национальных культур России никакая культура не должна выделяться особо (64,3 и 29,7% соответственно). В данной категории мигрантов гораздо реже встречается отрицательное отношение к националистическим организациям, чем для другой группы (35,7 и 78,4% соответственно). Следовательно, можно говорить о том, что внутренним препятствием для формирования желания остаться в России у высокообразованных мигрантов является развитая ориентация на автономию национальной культуры, внешним – недостаточно благоприятная коммуникативная среда.

С одной стороны, высокий уровень образования является позитивным фактором интеграции мигрантов в местное сообщество. Но, с другой стороны, недостаточно развитые коммуникативные возможности препятствуют принятию решения высокообразованными мигрантами остаться в России. Авторы считают, что повышение уровня образованности потенциальных и реальных мигрантов может оказать положительное влияние на интеграцию только в сочетании с благоприятной коммуникативной средой. Институциональные и неинституциональные формы повышения образования потенциальных мигрантов имеют важное значение. В условиях ликвидации русских школ, снижения уровня русификации высшего образования в странах Центральной Азии следует развивать не только трудовую, но и учебную миграцию, в том числе дистантные формы обучения русскому языку как потенциальных трудовых, так и образовательных мигрантов.

Литература

1. Бритвина И.Б., Шумилова П.А. Культурная идентичность как результат идентификации иноэтнических мигрантов в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Социология. 2017. Т. 17, № 3. С. 317–326.
2. ВЦИОМ: Мигранты в России: эффекты присутствия // ВЦИОМ: офиц. сайт. 29.11.2016. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=473> (дата обращения: 08.02.2019).
3. Кузнецов И.М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26, № 1. С. 58–80.
4. Bessudnov A. Ethnic Hierarchy and Public Attitudes towards Immigrants in Russia // European Sociological Review. 2016. Vol. 32, № 5. P. 567–580.
5. Мукомель В.И. Ксенофобы и их антиподы: кто они? // Мир России. 2017. Т. 26, № 1. С. 32–57.
6. ВЦИОМ: [Результаты опроса 16.12.2018] // ВЦИОМ: офиц. сайт. 19.12.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=9488> (дата обращения: 08.02.2019).
7. Бритвина И.Б., Киблицкая М.В. Жизнь мигрантки в моногороде. М. : Книгодел, 2004.
8. Britvina I., Savchuk G. Sources for forming a common social identity: migrants and a host community // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2017: Conference Proceedings. Book 3 (Science and Society). Vol. III (Sociology and Healthcare). Sofia : STEF92 Technology Ltd, 2017. P. 705–712.

Irina B. Britvina, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: irina.britvina@urfu.ru

Elena L. Mogilchak, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: e.l.mogilchak@urfu.ru

Galina A. Savchuk, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: galina.savchuk@urfu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2020. 54. pp. 153–162

DOI: 10.17223/1998863X/54/15

AN EXPERIENCE OF CREATING A TYPOLOGY OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES

Keywords: non-ethnic migrants; Central Asia; survey; cluster analysis; typology.

The intensity of migration flows to the territory of Europe and Russia determines the relevance of identifying types of migrants because their belonging to different groups affects the effectiveness of their integration into the host society. In the article, the author identifies three typological groups of migrants from Central Asian countries, differently related to life in Russia based on cluster analysis: temporarily settled; not settled; settled forever. The features of each group are described. The first cluster is characterized by a combination of instrumental readiness to live in Russia and a lack of readiness to move to Russia forever. The unwillingness to move to Russia for permanent residence is accompanied by a pretty good knowledge of the Russian language and Russian laws, a fairly high level of education in this group. The second cluster, vice versa, is characterized by a high level of the desire to move to Russia and a low instrumental readiness to move. In this group, the goal to stay in Russia is not yet accompanied by the availability of information and educational resources necessary to achieve it. Migrants belonging to the third cluster demonstrate a high level of development of both types of preparedness, accompanied by a high assessment of the culture of Ekaterinburg residents' behavior, a widespread willingness to change cultural habits, and agreement that Russian culture should occupy a leading place in Russia. The number of observed national traditions and interest in their national history are the highest in this cluster compared to the other two clusters. It does not prevent the entry into a new cultural environment and creates opportunities for the preservation of native national culture. The revealed typology makes it possible to understand that the representatives of the cluster "settled forever" have the most positive attitude to life in Russia. This is manifested not only in the evaluation characteristics of the attitude to the local population, Russian culture, but also in the behavioral characteristics: the development of resources necessary for life in Yekaterinburg, the desire to live in Russia permanently, to obtain Russian citizenship. The authors' hypothesis that the desire of migrants to participate in the integration processes has a cultural basis has been confirmed. This is proved by the results of quantitative and qualitative analysis based on in-depth interviews.

References

1. Britvina, I.B. & Shumilova, P.A. (2017) Kul'turnaya identichnost' kak rezul'tat identifikatsii inoetnichnykh migrantov v Rossii [Cultural identity as the result of recognition of different ethnicity migrants in Russia]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya "Sotsiologiya" – RUDN Journal of Sociology*. 17(3). pp. 317–326. DOI: 10.22363/2313-2272-2017-17-3-317-326
2. VTsIOM. (2016) *Migranty v Rossii: efekty prisutstviya* [Migrants in Russia: effects of presence]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=473> (Accessed: 8th February 2019).
3. Kuznetsov, I.M. (2017) The Balance of Interethnic Attitudes as an Indicator of State of Interethnic Relations. *Mir Rossii – Universe of Russia*. 26(1). pp. 58–80. (In Russian).
4. Bessudnov, A. (2016) Ethnic Hierarchy and Public Attitudes towards Immigrants in Russia. *European Sociological Review*. 32(5). pp. 567–580. DOI: 10.1093/esr/jcw002
5. Mukomel, V. (2017) Xenophobes and Their Opposites: Who Are They? *Mir Rossii – Universe of Russia*. 26(1). pp. 32–57. (In Russian).
6. VTsIOM. (2018) *Poll Results. December 16, 2018* [Online] Available from: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=9488> (Accessed: 24th May 2019). (In Russian).
7. Britvina, I.B. & Kiblitckaya, M.V. (2004) *Zhizn' migrantki v monogorode* [The life of a migrant in a single-industry town]. Moscow: Knigodel.
8. Britvina, I. & Savchuk, G. (2017) Sources for forming a common social identity: migrants and a host community. *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM 2017: Conference Proceedings*. Vol. 3. Sofia: STEF92 Technology Ltd. pp. 705–712.